

В. С. Выгодский

В ЧЕТВЕРТОМ ТОМЕ
„КАПИТАЛА“
К. МАРКСА

СЕРИЯ III
№ 17

Издательство „Знание“

1958

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

В. С. ВЫГОДСКИЙ

О ЧЕТВЕРТОМ ТОМЕ
«КАПИТАЛА»

(О «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркса)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1958

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Содержание и структура «Теорий прибавочной стоимости»	4
Критика Марксом буржуазной политической экономии в «Теориях прибавочной стоимости»	15
Развитие марксистской политической экономии в «Теориях прибавочной стоимости»	23
Значение «Теорий прибавочной стоимости» для критики современной буржуазной политической экономии и ревизионизма	37

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Новая площадь, д. 3/4.

Автор
Виталий Соломонович Выгодский

Редактор **Т. Ф. Фалалеева**
Техн. редактор **А. В. Трофимов**
Корректор **Н. М. Краснопольская**

А 06511. Подписано к печати 16/VII 1958 г. Тираж 73 500 экз. Изд. № 113.
Бумага 60 × 92¹/₁₈ — 1,25 бум. л. = 2,5 печ. л. Уч.-изд 2,53 л. Заказ № 3627.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

Главнейшим произведением Маркса, излагающим теорию научного социализма, является «Капитал».

Как известно, при жизни Маркса был издан лишь I том «Капитала» (в 1867 году). После смерти Маркса Энгельс выполнил огромную работу по подготовке к печати II и III томов «Капитала», которые были им изданы соответственно в 1885 и 1894 годах. В письме к С. Бауэру от 10 апреля 1895 года Энгельс сообщал о своем намерении «выпустить еще и IV том «Капитала»¹, представляющий историко-критическую часть «Капитала», «Теории прибавочной стоимости», как называл ее Маркс. Смерть помешала Энгельсу осуществить это намерение. Таким образом, хотя «Теории прибавочной стоимости» были написаны Марксом в 1862—1863 годах, они не смогли увидеть свет ни при жизни Маркса, ни при жизни Энгельса. Они были изданы Каутским в 1905—1910 годах. С этого издания Каутского и были сделаны многочисленные русские переводы «Теорий прибавочной стоимости».

Однако издание Каутского дает искаженное представление о труде Маркса. Не считая «Теории прибавочной стоимости» четвертым томом «Капитала», Каутский по своему усмотрению отобрал и расположил материал, допустил произвольные перестановки и сокращения текста. Кроме того, им допущен ряд грубых ошибок в расшифровке рукописи Маркса.

Осуществляемое в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС новое издание «Теорий прибавочной стоимости»², свободное от каутскианских извращений, дает возможность изучать одно из важнейших произведений Маркса в том виде, в каком оно было написано автором, способствуя тем самым более глубокому усвоению марксистской политической экономии. Первая часть нового издания этого замечательного историко-критического труда Маркса вышла в свет в 1954 году и была переиздана в 1955 году. Переводы с нее были осуществлены в ряде зарубежных стран.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 312. 1948.

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть I (1954 г.). Часть II (1957 г.). В дальнейшем все ссылки на новое издание «Теорий» даются в тексте. Ссылки на старое издание Каутского указываются в сносках.

В конце 1957 года вышло новое издание второй части «Теорий прибавочной стоимости». В настоящее время Институт марксизма-ленинизма ведет работу по подготовке к изданию третьей, заключительной, части «Теорий прибавочной стоимости», с выходом в свет которой IV том «Капитала» станет доступным советскому читателю в его полном объеме и в том виде, в каком его оставил нам Маркс.

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА «ТЕОРИЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ»

«Теории прибавочной стоимости» были написаны Марксом прежде других томов «Капитала». В письме к Зигмунду Шотту от 3 ноября 1877 года Маркс отмечал: «...для себя я начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с третьей, исторической, части)»¹.

Это обстоятельство не является простой случайностью. Прежде чем приступить к окончательной обработке собственной теории, Марксу необходимо было обстоятельно размежеваться со всей предшествующей политической экономией. Теория Маркса выросла не на пустом месте, она явилась преодолением и разрешением тех противоречий, в которых запуталась буржуазная политическая экономия. В этом смысле IV том «Капитала» особенно интересен тем, что он вскрывает творческую лабораторию Маркса, показывает, как в полемике с буржуазными экономистами Маркс выковывал свою теорию. Отсюда вытекает и особый характер логической структуры IV тома «Капитала». В противоположность этому Каутский рассматривал «Теории прибавочной стоимости» как сочинение, «параллельное» «Капиталу». По мнению Каутского, изложение Маркса «принимает характер хаоса», мысли Маркса «записаны в том порядке, в каком они приходили в голову», и т. д. Каутский так расположил материал, что отдельные главы «Теорий» в его издании представляют, по его же словам, «мозаику из отрывков, набранных из всех углов и концов» рукописи Маркса.

Существенные искажения структуры рукописи Маркса допущены Каутским в I томе «Теорий». Глава о Джемсе Стюарте, закономерно открывающая «Теории», фигурирует в издании Каутского как 5-й параграф главы о физиократах. Сама глава, посвященная физиократам, составлена Каутским из самых различных частей рукописи. Заменив логическую последовательность Маркса в развитии мысли хронологической

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», стр. 204. Маркс называет здесь «Теории прибавочной стоимости» «третьей частью» потому, что II и III тома «Капитала» первоначально предполагалось выпустить в виде одного тома.

последовательностью, Каутский поместил в самом начале книги такие экономические концепции, в которых проблема прибавочной стоимости не стоит на переднем плане; тем самым он исказил основную идею «Теорий прибавочной стоимости».

Наибольшую ломку структуры Каутский произвел во второй части «Теорий прибавочной стоимости» (в издании Каутского — II том). Вторую часть «Теорий прибавочной стоимости» он рассматривал как придаток к III тому «Капитала», чем и объясняется его попытка втиснуть содержание второй части «Теорий» в рамки структуры III тома «Капитала». Вторую часть «Теорий» Каутский разбивает на две части. В первую часть должно было войти все, относящееся к норме прибыли и цене производства, во вторую часть — исследование по теории земельной ренты. Однако «сопротивление материала» насильственной ломке было настолько сильным, что Каутскому не удалось полностью осуществить намеченную им перестановку частей рукописи. Целиком следовать системе III тома «Капитала» оказалось, по его словам, «невозможным, так как дальнейшие выводы относительно падения нормы прибыли уже предполагали законы земельной ренты. Таким образом, — заключает Каутский, — я не мог настолько приблизиться к системе третьего тома, чтобы перенести изложение теории земельной ренты в конец книги. Его пришлось поместить в середине»¹.

Но и та произвольная перестановка частей рукописи, которая была осуществлена Каутским, чрезвычайно затрудняла изучение «Теорий прибавочной стоимости», так как разрывала внутренне связанные между собой проблемы.

Исказив структуру IV тома «Капитала», в котором историко-критический анализ Маркса переплетается с его теоретическими исследованиями, Каутский всюду стремился отделить одно от другого. Теоретические экскурсы Маркса он рассматривал как разделы, дублирующие те или иные положения первых трех томов «Капитала». Поэтому он стремился удалить из текста весь подобный материал, хотя и признавал, что «большинство этих мест так тесно было связано с целым, что просто вычеркнуть их было невозможно»². В этих случаях он старался изъять теоретические экскурсы из основного текста и перенести их в приложения, грубо нарушая тем самым внутреннюю связь теоретических и историко-критических исследований Маркса.

Сознательное искажение структуры «Теорий прибавочной стоимости» Каутским свидетельствует об уже начавшемся в

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 7. (Предисловие Каутского). 1931.

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 9, 1931.

то время отходе Каутского от марксизма, завершившемся в конечном счете откровенной апологетикой капиталистического строя. Между тем только подлинная структура «Теорий прибавочной стоимости» дает возможность полностью уяснить глубокое содержание этого замечательного труда Маркса.

* *
*

«Теории» представляют, по выражению Энгельса, «критическую историю центрального пункта политической экономики». Таким центральным пунктом марксистской политической экономики является учение о прибавочной стоимости. В. И. Ленин называл его краеугольным камнем экономической теории Маркса. Категория прибавочной стоимости представляет основную категорию капиталистического способа производства, ибо она выражает сущность капиталистических производственных отношений, отношений эксплуатации рабочего класса классом капиталистов. Именно эта категория и была положена Марксом в основу при оценке им того или иного буржуазного экономиста, той или иной школы буржуазной политической экономики. Маркса прежде всего интересовал вопрос: насколько тот или иной экономист продвинулся в понимании прибавочной стоимости, а следовательно, в понимании сущности капиталистического способа производства; иными словами, имеются ли в учении того или иного экономиста элементы *теории* прибавочной стоимости.

Как известно, у буржуазных экономистов не было даже термина «прибавочная стоимость». Но коль скоро, например, Рикардо полагал, что весь авансированный капитал затрачивается на заработную плату (отвлекаясь от постоянной части капитала), он рассматривал тем самым отношение прибыли к переменному капиталу, а не ко всему авансированному капиталу. В этом случае прибавочная стоимость и прибыль и на самом деле совпадают. Иными словами, Рикардо фактически, сам того не сознавая, рассматривал норму прибавочной стоимости, а не норму прибыли. «Постольку, следовательно,— указывает Маркс,— он делает предметом своего рассмотрения *прибавочную стоимость, а не прибыль*, и постольку можно говорить поэтому о теории прибавочной стоимости у Рикардо» (ч. II, стр. 374). Глава XV «Теорий» специально посвящена «рикардовской теории прибавочной стоимости». Да и само название IV тома «Капитала» — «Теории прибавочной стоимости» — говорит о том, что отсутствие у буржуазных экономистов термина «прибавочная стоимость» не означает отсутствия у них тех или иных элементов теории прибавочной стоимости.

Уже в самом начале своей работы Маркс отмечает общий недостаток всех буржуазных экономистов, которые «рас-

смаатривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты» (ч. I, стр. 6). Этим во многом объясняется особый характер структуры «Теорий прибавочной стоимости». Если в первых трех томах «Капитала», где Маркс излагает свою собственную теорию прибавочной стоимости, он начинает с прибавочной стоимости в чистом виде и лишь затем (в III томе «Капитала») переходит к рассмотрению тех ее превращенных форм (прибыль, процент, земельная рента), в которых прибавочная стоимость выступает на поверхности капиталистического способа производства, то в «Теориях» Маркс вынужден исходить из тех превращенных форм прибавочной стоимости, которые он находит у того или иного экономиста, и уже затем показывать скрывающиеся за ними элементы теории прибавочной стоимости. (Так, при анализе теории Рикардо Маркс прежде всего рассматривает рикардовскую теорию земельной ренты и цены производства, ибо категория прибавочной стоимости выступает у Рикардо только в форме средней прибыли и земельной ренты).

Коренным вопросом теории прибавочной стоимости является объяснение *происхождения* прибавочной стоимости, объяснение того, каким образом на основе закона стоимости возможно присвоение неоплаченного труда.

Первыми пытались объяснить происхождение прибавочной стоимости представители *монетарной* и *меркантилистской* системы (XV—XVII века). Прибавочная стоимость выводилась ими из обмена, объяснялась продажей товара выше его стоимости. Меркантилисты не пошли дальше поверхностных явлений сферы обращения, они исходили из практики купеческого капитала, преобладавшего на ранней ступени развития капитализма. Здесь не было еще попытки проникнуть в глубь капиталистических производственных отношений. Такая попытка впервые была предпринята *физиократами*. «Физиократы перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства и этим заложили основу для анализа капиталистического производства», — писал Маркс (ч. I, стр. 12). Поэтому анализ буржуазной политической экономии в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс начинает с рассмотрения учения физиократов (глава II). Но прежде Маркс дает небольшую вводную главу об английском экономисте Джемсе Стюарте, пытавшемся придать рациональную форму монетарной и меркантилистской системам. Рассмотрение этой попытки Стюарта позволяет Марксу резче подчеркнуть тот громадный шаг вперед, который был сделан физиократами и который позволил Марксу считать их «отцами современной политической экономии».

Физиократы сделали первый шаг в разработке теории при-

бавочной стоимости. Они обратились к сфере непосредственного производства как источнику прибавочной стоимости. Но физиократы не поняли еще природы стоимости. Стоимость, как и прибавочную стоимость, они отождествляли с веществом природы. Поэтому источник прибавочной стоимости они искали в сельском хозяйстве, где прибавочный продукт выступает в осязаемой форме как избыток произведенных продуктов над продуктами, потребленными рабочим. Прибавочная стоимость выступает у физиократов в форме земельной ренты, а земледельческий труд они считали единственно производительным трудом, создающим прибавочную стоимость.

Значительно дальше физиократов в развитии теории прибавочной стоимости пошел Адам Смит (анализу взглядов Смита посвящена III глава «Теорий»). У физиократов прибавочная стоимость создается только одним определенным видом труда — земледельческим. Поэтому создателем прибавочной стоимости — в смысле увеличения количества вещества, материи — у них выступает не труд, а природа, земля. Смит же считал, что стоимость создается общественным трудом, независимо от его конкретной формы. Если для физиократов всеобщей формой прибавочной стоимости является земельная рента, то Адам Смит в соответствии с капиталистической действительностью рассматривает *промышленную прибыль* как первоначальную форму присвоения прибавочной стоимости, а процент и земельную ренту — как ответвления промышленной прибыли.

Еще в работе «К критике политической экономии» Маркс показал, что Адам Смит колеблется между двумя различными определениями стоимости: в одних случаях он определяет стоимость товара количеством труда, необходимого для его производства, а в других — количеством живого труда, которое может быть куплено на данное количество товара. Во втором из этих определений Смит делает мерой стоимости товаров стоимость труда, т. е. определяет стоимость стоимостью, попадая тем самым в порочный круг.

В «Теориях» Маркс выясняет причины этого двойственного определения стоимости у Смита и показывает его связь со смитовской теорией прибавочной стоимости. Исходя из своего первого определения стоимости количеством овеществленного труда, Смит сумел уловить истинное происхождение прибавочной стоимости, которую он выводит из неоплаченного труда рабочего, присвоенного капиталистом. Но этот научный взгляд не получил у Смита сколько-нибудь последовательного развития. Исходя из своего второго, ненаучного, определения стоимости, Смит сводит ее к сумме доходов, к сумме прибыли, заработной платы и ренты, открывая этим широкую дорогу вульгарной политической экономии.

С определением стоимости как суммы заработной платы,

прибыли и ренты связана так называемая «догма Смита», согласно которой и стоимость всего общественного продукта также состоит только из этих трех частей. Смит игнорировал, таким образом, стоимость постоянного капитала, признавая ее только для отдельного товара и считая, что для всего общественного продукта в целом она в свою очередь распадается на сумму доходов. Этот вопрос касается уже проблемы воспроизводства всего общественного капитала. Поэтому, опровергая догму Смита, Маркс одновременно формулирует основные положения своей теории воспроизводства, которая впоследствии была развита во II томе «Капитала». Этой проблеме посвящено специальное теоретическое «отступление» Маркса, составляющее 10-й параграф III главы «Теорий».

В тесной связи с тем или иным пониманием стоимости и прибавочной стоимости стоит понимание *производительного труда* в капиталистическом обществе. Теориям о производительном и непроизводительном труде в капиталистическом обществе Маркс уделяет значительное место в первой части «Теорий» (глава IV и большой теоретический очерк, составляющий 12-й параграф «Приложений», в котором Маркс резюмирует свои взгляды на природу производительного труда в капиталистическом обществе). Маркс указывает, что смитовское различие производительного и непроизводительного труда остается основой всей последующей буржуазной политической экономии. В своих взглядах на производительный труд при капитализме Смит обнаруживает ту же двойственность, которая имеет место в его взглядах на стоимость и прибавочную стоимость.

В главе VI «Теорий» Маркс возвращается к рассмотрению взглядов физиократов. Это связано с тем важным вкладом физиократов в разработку теории прибавочной стоимости, который заключается в их попытке изобразить процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала. В анализе процесса воспроизводства физиократы пошли дальше Адама Смита. Поэтому знаменитую «Экономическую таблицу» Кенэ Маркс разбирает в главе VI, после того как он закончил рассмотрение взглядов Смита. Расположение материала у Маркса отражает здесь противоречивое развитие буржуазной политической экономии.

В двух небольших главах о Неккере и Ленгэ (глава V и VII) Маркс рассматривает ранние попытки изобразить противоположность классов при капитализме.

* *
*

Вторая часть «Теорий прибавочной стоимости» посвящена главным образом анализу теории *Рикардо*, явившейся высшим достижением буржуазной политической экономии.

В отличие от А. Смита, колебавшегося между двумя определениями стоимости, Рикардо с самого начала твердо стоит на позициях трудовой теории стоимости.

В предисловии ко II тому «Капитала» Энгельс приводит слова Маркса из «Теорий», характеризующие роль Рикардо в развитии теории прибавочной стоимости: «Как важно было свести *стоимость к труду*, совершенно так же важно было прибавочную стоимость... свести *к прибавочному труду*... В сущности это было сказано уже А. Смитом и составляет главный момент в том, что дал Рикардо»¹. Однако, подобно А. Смиту, Рикардо не смог разрешить проблемы согласования обмена труда на капитал с законом стоимости. Более того, Рикардо не почувствовал здесь никакой трудности. Он лишь констатировал тот факт, что количество труда, затраченное на изготовление товара (овеществленный труд), и количество труда, которое можно купить на этот товар (живой труд), различаются между собой; но он не сделал никакой попытки дать объяснение этому факту. Рикардо и не мог разрешить эту проблему, потому что он, подобно А. Смиту, не видел различия между трудом и рабочей силой. Поэтому взаимоотношение между трудом и капиталом принимает у него вид отношения между «непосредственным трудом» и «накопленным трудом», в результате чего затушевывается всякая специфика капиталистических производственных отношений.

Однако Рикардо сделал значительный шаг вперед в другом кардинальном вопросе теории прибавочной стоимости. Он впервые обратил внимание на различие между стоимостями и ценами производства. Но вместо того чтобы эти различия объяснить, развить категорию цены производства из стоимости, Рикардо насильственно приравнял стоимость к цене производства, а отклонения цены производства от стоимости, имеющие место в результате различий в органическом составе капитала, считал исключением из общего правила. Подвергнув критике теорию цены производства Рикардо, Маркс во второй части «Теорий» развивает свою собственную теорию средней прибыли и цены производства, показывая, как в условиях капитализма стоимость выступает в превращенной форме цены производства, а прибавочная стоимость — в форме средней прибыли.

Центральное место во второй части «Теорий прибавочной стоимости» принадлежит *теории земельной ренты*, и прежде всего теории *абсолютной* земельной ренты. Это вытекает из той роли, которую теория земельной ренты играет в экономическом учении Маркса, особенно в его теории стоимости и прибавочной стоимости, в той части этой теории, где говорится о средней прибыли и цене производства. Теория абсолютной

¹ К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 11. Госполитиздат. 1955.

земельной ренты явилась пробным камнем истинности марксовой теории средней прибыли и цены производства, которая исходит из того фундаментального положения, что стоимости и цены производства непосредственно не совпадают, что только сумма цен производства совпадает с суммой стоимостей. Марксова теория абсолютной земельной ренты явилась доказательством ложности предпосылки Смита и Рикардо о тождестве стоимостей и цен производства.

Исходя из тождества стоимостей и цен производства, Смит и Рикардо вынуждены были отрицать существование абсолютной ренты. В самом деле, если бы цена сельскохозяйственных продуктов давала сверх средней прибыли еще и абсолютную ренту, то эта цена превышала бы цену производства, а следовательно (с точки зрения догмы о тождестве стоимостей и цен производства), и стоимость. Получалось бы, что одно и то же количество труда создавало в сельском хозяйстве более высокую стоимость, чем в промышленности, что было бы явным нарушением закона стоимости. Поэтому отсутствие абсолютной земельной ренты и возможность существования только дифференциальной ренты было, по мнению Смита и Рикардо, лишь необходимым проявлением всеобщего характера действия закона стоимости. Желая «спасти» закон стоимости, Смит и Рикардо приходили к отрицанию абсолютной земельной ренты, хотя это явно противоречило капиталистической действительности.

Объяснив абсолютную земельную ренту как разность между стоимостью и ценой производства, Маркс тем самым доказал, что действие закона средней прибыли и цены производства происходит на основе закона стоимости, а отнюдь не в противоречии с ним, как это получалось у классиков буржуазной политической экономии. Это было громадным шагом вперед в дальнейшем развитии теории стоимости и прибавочной стоимости.

Все сказанное объясняет нам также, почему в отличие от III тома «Капитала», где основное внимание Маркс уделил дифференциальной земельной ренте, во второй части «Теорий прибавочной стоимости» рассматривается главным образом проблема абсолютной ренты¹. Это вместе с тем есть еще одно доказательство того, как нелепо было пытаться втиснуть содержание второй части «Теорий» в рамки III тома «Капитала». Особый характер структуры второй части «Теорий при-

¹ В III томе «Капитала», где земельная рента рассматривается как одна из производных форм прибавочной стоимости, Маркс начинает свое исследование с дифференциальной земельной ренты, которая является адекватной капиталистическому способу производства формой ренты, в то время как абсолютная земельная рента и базирующийся на ней класс земельных собственников являются излишними с точки зрения капиталистического производства.

бавочной стоимости», где специфические вопросы теории ренты переплетаются с общими вопросами теории стоимости и прибавочной стоимости, средней прибыли и цены производства, обусловлен тем местом, которое теория ренты занимает в обосновании марксовой теории стоимости.

В 1851 году немецкий экономист *Родбертус* в своем третьем «социальном письме» к фон Кирхману выступил с попыткой развить теорию абсолютной земельной ренты. Ставя в центр анализа понятие абсолютной ренты, Маркс, прежде чем приступить к рассмотрению рикардовской теории ренты, в специальной главе (в настоящем издании глава VIII), названной им «отступлением», подверг развернутому критическому анализу эту попытку Родбертуса. Маркс показал, что неудача Родбертуса вытекает из того, что по исходному для теории абсолютной ренты вопросу о соотношении между стоимостью и ценой производства он полностью разделял позиции Смита — Рикардо.

В. И. Ленин отмечает «блестящее и детальное» опровержение теории Родбертуса, осуществленное Марксом во второй части «Теорий», подчеркивая, что эта критика Родбертуса заслуживает «особого внимания»¹. Большое значение, которое В. И. Ленин придавал главе о Родбертуса, обусловлено прежде всего тем, что в этой главе в связи с критикой Родбертуса Маркс дает обоснование своей собственной теории абсолютной ренты. В связи с теорией абсолютной ренты Маркс рассматривает в этой главе проблему национализации земли в условиях капитализма. Эти разъяснения Маркса В. И. Ленин назвал «замечательными», наглядно показывающими «революционное в буржуазно-демократическом смысле значение национализации земли»².

Второе «отступление» (глава IX) представляет собой исторический очерк развития взглядов на дифференциальную ренту от Андерсона до Рикардо.

Крупнейшим недостатком рикардовской теории дифференциальной ренты является ее связь с «мальтусовской дрянью» — с «законом» убывающего плодородия почвы. Критикуя этот порок рикардовской теории ренты, Маркс еще в 1851 году ставил задачу «согласовать закон ренты с прогрессом производительности земледелия вообще». Он указывал, что «только при таком условии можно будет объяснить исторические факты, а с другой стороны, устранить теорию Мальтуса об ухудшении... земли»³.

Свое предположение об убывающей производительности земледелия Рикардо обосновывал происходившим в конце

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 120 и т. 21, стр. 51

² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 289.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 43. Госполитиздат. 1953.

XVIII и начале XIX века повышением цен на хлеб. Маркс в связи с этим привел в IX главе «Теорий» таблицу средних цен на пшеницу, охватывающую период с 1641 по 1859 год, то есть более чем за 200 лет (часть II, стр. 128—129). Анализ этой таблицы, произведенный Марксом, полностью опроверг положение о непрерывном повышении цен на хлеб в связи с якобы уменьшающейся производительностью земледелия.

Здесь мы видим, с какой полнотой Маркс стремился статистически обосновать свои теоретические выводы. Критерий практики всегда был для Маркса решающим в оценке той или иной теории.

Главы VIII и IX подготавливают почву для всестороннего анализа всей системы взглядов Рикадро, который дается в главах X—XVIII второй части «Теорий». Уже в VIII главе Маркс показал, что главной причиной неправильной теории земельной ренты Рикардо является непонимание соотношения между стоимостью и ценой производства. Теперь, в главе X, Маркс снова возвращается к этому вопросу; он вскрывает корни догмы Рикардо — Смита и устанавливает, что они лежат в общих пороках метафизического метода классиков буржуазной политической экономии, в их неспособности проследить развитие категорий от сущности к внешним формам проявления. Так, Рикардо рассматривает как непосредственно данную среднюю норму прибыли, не замечая, что этим самым он уже предполагает цены производства, отличающиеся от стоимостей, хотя цены производства надлежит еще только вывести при помощи целого ряда посредствующих звеньев из стоимости; Рикардо же непосредственно отождествляет их между собой.

После того как Маркс в X главе подверг детальному анализу догму Рикардо — Смита, отождествляющих стоимость и цену производства, он возвращается к рассмотрению их теории ренты и показывает (главы XI—XIV), что ложное понимание соотношения между стоимостью и ценой производства неизбежно ведет к ошибочной теории земельной ренты. При этом Маркс дальше развивает свою собственную теорию абсолютной и дифференциальной ренты.

В главах XV—XVIII второй части «Теорий» Маркс критически рассматривает рикардовскую теорию прибавочной стоимости, прибыли и накопления. Эти главы не случайно идут за главами, посвященными земельной ренте: ошибки Рикардо в теории ренты оказали глубокое влияние на рикардовское учение о прибыли и о накоплении.

* *
*

Если в первой и во второй части «Теорий» Маркс рассматривает в основном поступательное движение буржуазной по-

литической экономии от ее зарождения до вершины (теория Рикардо), то в третьей части Маркс показывает процесс *вульгаризации* буржуазной экономической науки, связанный с обострением классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией.

В главе о Мальтусе Маркс показывает, как Мальтус использует путаницу в теории Рикардо (смещение стоимостей и цен производства) для опровержения закона стоимости. Возвращаясь в своих работах к концепции «прибыли от отчуждения», Мальтус стремился отодвинуть политическую экономию назад не только по сравнению со Смитом и Рикардо, но и по сравнению с физиократами.

В главе, посвященной разложению рикардианской школы, Маркс вскрывает регресс в основных вопросах политической экономии у последователей Рикардо, которые шаг за шагом отказывались от всех научных элементов рикардовской теории. Таковы Торренс, который возвратился к смитовскому взгляду о том, что закон стоимости не действует в условиях капиталистического производства, Джеймс Милль, Уэйкфилд и Стирлинг, возвратившиеся к вульгарной концепции спроса и предложения. Таков, наконец, Мак-Куллох, полностью отказавшийся от трудовой теории стоимости.

Давая всестороннюю критику системы Рикардо, выявляя его теоретические ошибки и классовую ограниченность его взглядов, Маркс в то же время указывал на «великое историческое значение Рикардо для науки», заключающееся в последовательном проведении трудовой теории стоимости. «С этой научной заслугой тесно связано то, что Рикардо вскрывает и формулирует экономическую противоположность классов... и что в результате этого в политической экономии ухватывается и вскрывается самый корень исторической борьбы и исторического процесса развития» (часть II, стр. 160).

Эти особенности рикардовской теории дали возможность группе экономистов из числа социалистов-утопистов использовать теорию Рикардо в своей борьбе с буржуазной политической экономией. Эта группа экономистов, по словам Энгельса, «повернула теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства, побивала буржуазию ее собственным оружием. Весь оуэновский коммунизм, поскольку он вступает в экономическую полемику, опирается на Рикардо»¹.

Исходя из того, что богатство общества создается трудом, социалисты-рикардianцы делали вывод, что «труд есть все», а капитал представляет собой лишь надувательство рабочего. Если Рикардо считал сокращение необходимого рабочего

¹ К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 12. (Предисловие Энгельса.)

времени лишь средством увеличения прибавочного труда, труда на капиталиста, то социалисты-рикардианцы требовали наряду с сокращением необходимого труда полной ликвидации прибавочного труда.

Великий русский экономист Н. Г. Чернышевский, также исходя из теории трудовой стоимости, приходил к выводу, что «если всякая ценность и всякий капитал производится трудом... то труд должен быть единственным владельцем производимых ценностей»¹. В отличие от других социалистов до-марковского периода Чернышевский связывал установление нового экономического строя с революционизированием масс, с необходимостью политической борьбы.

Социалисты-рикардианцы оказались не в состоянии преодолеть буржуазную основу теории Смита и Рикардо. Они принимают, замечает Маркс, «все экономические предпосылки самого капиталистического производства как вечные формы, а хотят только вычеркнуть капитал»². Создать новую, подлинно научную политическую экономию, знаменующую революционный переворот в экономической науке, смог только вождь революционного пролетариата — Карл Маркс.

В главах о Рамсее, Шербюлье и Ричарде Джонсе Маркс рассматривает взгляды тех буржуазных экономистов, которые подошли к пониманию исторически преходящего характера капиталистического способа производства, но в силу своей буржуазной ограниченности не смогли развить зародыши имеющих у них правильных взглядов. Эти экономисты как бы завершают классическую политическую экономию.

Третья часть «Теорий» заканчивается теоретическим курсом, в котором Маркс вскрывает классовые и гносеологические корни вульгарной политической экономии, показывает существенную разницу между классической буржуазной и вульгарной политической экономией и критикует воззрения вульгарного социализма.

Такова краткая характеристика содержания и структуры IV тома «Капитала».

КРИТИКА МАРКСОМ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В «ТЕОРИЯХ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ»

Анализ буржуазной политической экономии, данный Марксом в «Теориях прибавочной стоимости», представляет образец партийной и в то же время глубоко научной критики, критики с позиций революционного пролетариата.

¹ Н. Г. Чернышевский. Избранные экономические произведения, т. II, стр. 344. 1948.

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 201. 1936.

Марксова критика буржуазной политической экономии характеризуется следующими основными чертами.

Анализ экономических условий. Классовые и гносеологические корни экономических теорий. Марксова критика носит ярко выраженный материалистический характер. Разбирая взгляды буржуазных экономистов, Маркс показывает, что в основе этих взглядов лежат конкретные экономические условия и вытекающие отсюда условия классовой борьбы.

Так, рассматривая систему физиократов, Маркс отмечает, что она является выражением молодого капиталистического способа производства, пробивающего себе дорогу в недрах феодального общества. Это был тот период экономического развития, когда происходило отделение земельной собственности от труда, превращение крестьян в наемных рабочих. Поэтому физиократическая школа развилась во Франции, стране преимущественно земледельческой. Специфическими условиями раннего капитализма объясняется также и та феодальная оболочка, в которую была облечена теория физиократов, несмотря на ее капиталистическую сущность. Объявляя сельскохозяйственный труд единственно производительным трудом, а земельную ренту — единственной формой прибавочного продукта, физиократы на этом основании требовали освобождения от налогового обложения молодой капиталистической промышленности и перенесения налогов на земельных собственников. Это было не чем иным, как требованием частичной конфискации земельной собственности, — мера, осуществить которую пыталась французская буржуазная революция.

Указывая на физиократические элементы в теории А. Смита, Маркс объясняет их тем, что Смит подобно физиократам «отражает предысторию крупной промышленности» (часть I, стр. 27).

С исключительной силой вскрывает Маркс классовую подоплеку теорий о производительном и непроизводительном труде. До тех пор пока буржуазия не стала господствующей силой в стране, пока она остается революционным классом, ее идеологи справедливо относят к непроизводительной сфере попов, чиновников, военных, государя и т. п. и требуют сокращения этих паразитических групп до минимума. Но как только буржуазия подчинила себе государственный аппарат, как только она сама была объявлена непроизводительным классом со стороны подлинных производителей — рабочих, с этого времени буржуазные экономисты стараются экономически оправдать то, что раньше они сами подвергали критике.

Разбирая теорию Рикардо, Маркс показал, что она вытекает из условий развития капитализма в Англии — самой передовой капиталистической стране того времени. В этой связи позиция критиков Рикардо — Родбертуса и Сисмонди — определяется тем, что эти экономисты исходят из более отста-

лых, докапиталистических, отношений. Маркс говорит, что позиция Родбертуса — это позиция «померанского помещика», который «наивным образом отождествляет «померанские» и «английские» производственные отношения» (часть II, стр. 151). Что касается Сисмонди, которого Маркс называет сентиментальным противником Рикардо, то он ищет спасения от противоречий капитализма «в прошлом», в возвращении к раннему капитализму. Мелкобуржуазная критика такого рода является критикой реакционной, ибо она стремится повернуть вспять экономическое развитие, исходит из отживших производственных отношений.

Классовая позиция Рикардо в целом соответствовала интересам промышленной буржуазии. Этим объясняется реакционная критика Рикардо со стороны таких экономистов, как Мальтус, который защищал интересы наиболее реакционных элементов господствующих классов. Взгляды Рикардо, требовавшего «производства для производства», были наиболее передовыми взглядами того времени, отражавшими исторически прогрессивную роль капитализма в развитии производительных сил общества. Революционная критика теории Рикардо (как и всей буржуазной политической экономии) могла быть дана только с позиций более передового класса — промышленного пролетариата — носителя нового, более прогрессивного способа производства.

Критика метода классиков буржуазной политической экономии. Пытаясь проникнуть в глубь капиталистического способа производства, рассмотреть действие экономических законов в чистом виде, классики буржуазной политической экономии — Смит и Рикардо — абстрагировались в своем исследовании от явлений, происходящих на поверхности экономической жизни общества. Именно методу научной абстракции классическая школа буржуазной политической экономии — в той мере, в какой ей удавалось его применять, — обязана всеми своими достижениями. Но, будучи метафизиками, Смит и Рикардо не сумели до конца пойти по пути научной абстракции. Во-первых, их абстракция является неполной, во-вторых, она является формальной абстракцией, ибо формы проявления экономических категорий выступают у классиков буржуазной политической экономии как непосредственное, прямое выражение этих категорий, они не раскрывают развития этих форм проявления. Пороками метода Смита и Рикардо обусловлены их ошибки в теории.

Неполный характер абстракции у классиков буржуазной политической экономии проявился прежде всего в том, что они не сумели выделить категорию прибавочной стоимости в чистом виде, абстрагировать ее от конкретных форм проявления — прибыли, ренты и т. д. Отсюда и проистекает смешение прибавочной стоимости с прибылью, неспособность при рас-

смотрении стоимости товаров отвлечься от сферы конкуренции.

Так, Смит рассматривает прибавочную стоимость непосредственно в форме прибыли. Сперва он говорит о прибавочной стоимости как порождении живого труда, но тут же относит ее ко всему авансированному капиталу. Но тогда непонятно, почему прибавочная стоимость (происхождение которой, как устанавливает сам Смит, не зависит от величины авансированного капитала) должна возрастать при возрастании авансированного капитала, как это бывает со средней прибылью. Таким образом, смешивая прибавочную стоимость с прибылью, А. Смит опрокидывает установленный им самим закон происхождения прибавочной стоимости из непосредственно затрачиваемого труда.

Стремясь доказать всеобщность закона стоимости, т. е. что те или иные экономические категории не противоречат теории стоимости, Рикардо, вместо того чтобы проследить развитие этих категорий из стоимости, предполагает их заранее данными и механически отождествляет со стоимостью. Так, он предполагает заранее данную категорию средней прибыли и цены производства, которую отождествляет со стоимостью, несмотря на то, что категория средней прибыли на первый взгляд противоречит закону стоимости и нуждается для своего объяснения в целом ряде посредствующих звеньев.

Эта неспособность вывести цену производства из стоимости в свою очередь есть следствие того, что Рикардо не знает категории органического строения капитала, вместо деления капитала на постоянный и переменный он рассматривает деление капитала на основной и оборотный, т. е. вместо категорий, связанных с непосредственным процессом производства, Рикардо рассматривает категории, вытекающие из процесса обращения капитала.

Отождествление категорий прибавочной стоимости и прибыли привело Рикардо к тому, что движение нормы прибыли он определяет так же, как движение нормы прибавочной стоимости,— он полагал, что норма прибыли падает только вследствие возрастания заработной платы. С другой стороны, исходя из своей теории дифференциальной ренты, предполагающей переход ко все менее производительным разрядам земли, Рикардо делает вывод о непрерывном вздорожании предметов питания и росте вследствие этого номинальной заработной платы рабочих. Следствием этого, по мнению Рикардо, и является постоянное падение нормы прибыли и постоянное повышение нормы земельной ренты. Как мы видим, тенденция нормы прибыли к понижению объяснена у Рикардо совершенно неправильно. Рикардо не видел главного фактора, определяющего эту тенденцию,— роста органического строения капитала; он не видел того, что падение нормы прибыли со-

проводится ростом нормы прибавочной стоимости — опять-таки вследствие роста органического строения капитала. Норма прибыли «падает не потому, — писал Маркс, — что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что он больше эксплуатируется» (часть II, стр. 441).

По Рикардо, непрерывно происходящее вследствие уменьшения производительности земледелия понижение нормы прибыли витеет, как «злой рок», над буржуазным производством, означает буржуазные «сумерки богов», «день страшного суда», делает невозможным дальнейшее накопление капитала. Маркс же указывает, что накопление капитала непосредственно определяется «не столько еще нормой прибыли, сколько *общей массой прибыли*» (часть II, стр. 547), которая возрастает с возрастанием масштабов производства. Если возрастает величина авансированного капитала, то масса прибыли может возрастать, несмотря на падение нормы прибыли.

Отождествление у Рикардо прибавочной стоимости и прибыли привело, далее, к тому, что норму прибыли Рикардо исчисляет подобно норме прибавочной стоимости — лишь по отношению к переменному капиталу. «Иначе говоря, Рикардо делает то ошибочное предположение, — указывает Маркс, — будто весь авансированный капитал состоит только из переменного капитала» (часть II, стр. 468).

Маркс показывает здесь, что Рикардо целиком воспринял от А. Смита его пресловутую догму, согласно которой совокупный общественный продукт сводится к сумме доходов. Отсюда рикардовская теория накопления сводит накопление капитала к накоплению переменного капитала, к превращению дохода в заработную плату. Но это означает, что увеличение спроса на труд происходит непосредственно — и в той же пропорции — вслед за накоплением капитала. Таким образом, по мнению Рикардо, накопление капитала, как правило, отнюдь не означает ухудшения положения рабочего класса.

Рикардо утверждал, что в результате накопления капитала и роста применения машин происходит, с одной стороны, высвобождение рабочих, а с другой стороны, — высвобождение жизненных средств, необходимых для потребления этих рабочих. Таким образом, на рынке имеются незанятые рабочие и средства их оплаты, потенциальный переменный капитал, — следовательно, утверждает Рикардо, эти рабочие непременно найдут себе работу.

Эти вздорные, по выражению Маркса, рассуждения Рикардо опровергаются уже фактом существования постоянной резервной армии безработных и полубезработных. Рикардо исходит из нелепого представления, будто высвободившиеся предметы потребления должны достаться именно тем рабочим, которые их потребляли до введения машин. Он полагает при этом, в соответствии с догмой Смита, что капитал, существу-

щий в виде жизненных средств, представляет какую-то неизменную величину.

Буржуазная ограниченность классиков заключалась прежде всего в том, что они не видели специфики капиталистического способа производства, не понимали его исторически преходящего характера. Отсюда вытекает, например, двойственность смитовской трактовки стоимости и прибавочной стоимости.

Двойное определение стоимости товара базируется у Смита на отождествлении стоимости труда и стоимости продукта труда. Не зная категории «стоимость рабочей силы», оперируя вместо этого понятием «стоимость труда», Смит смешивал овеществленный труд, воплощенный в товаре, с той рабочей силой, которую рабочий продает капиталисту. Смит исходил из отношений простого товарного хозяйства, в котором производитель является собственником продукта своего труда. Обмен товаров представляет здесь обмен эквивалентов, одинаковых количеств живого и овеществленного труда. Он происходит в соответствии со стоимостью товаров.

В условиях капиталистического способа производства, когда средства труда отделены от рабочего и находятся в собственности класса капиталистов, а рабочий является лишь собственником своей рабочей силы, стоимость продукта труда больше стоимости труда, иными словами, определенное количество овеществленного труда обменивается на большее количество живого труда. (В этом и состоит сущность капиталистической эксплуатации.) Здесь имеет место явное нарушение эквивалентного обмена, а стало быть, и нарушение действия закона стоимости. Это заставило Смита сделать тот вывод, что в обмене между капиталом и наемным трудом закон стоимости перестает действовать, стоимость товаров перестает определяться количеством труда, затраченным на их производство. «...Адам определяет стоимость товара содержащимся в нем рабочим временем,— говорит Маркс,— однако он относит действительность этого определения стоимости к доадамовым временам»¹. В условиях капиталистического способа производства общественное богатство определяется уже не продуктом собственного труда, а тем количеством чужого труда, которое этот продукт может получить в свое распоряжение. Таков ход мыслей А. Смита, который привел его к определению стоимости товаров стоимостью труда.

Заслуга Смита состоит в том, что он чувствует тот коренной переворот в производственных отношениях, который наступает вместе с возникновением капиталистического способа производства. Однако Смит полагал, что капиталистические производственные отношения вносят изменение в определение

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 48. Госполитиздат. 1953.

стоимости товаров количеством труда, затраченного на их производство.

Буржуазная ограниченность классиков проявилась и в двойственном характере смитовской теории производительного труда.

А. Смит называет производительным трудом труд, создающий прибавочную стоимость (труд, обменивающийся непосредственно на капитал). Как замечает Маркс, Смит проник в данном случае в самую суть дела, попал прямо в точку. Из этого определения также ясно, что непроизводительным трудом в условиях капитализма является труд, обменивающийся непосредственно на доход. Такая трактовка производительного труда выражает специфику капиталистического способа производства, непосредственной целью которого является производство прибавочной стоимости. Для капиталистического общества важна не производительность труда сама по себе, а относительная производительность труда, достаточная для производства прибавочного продукта, присваиваемого классом капиталистов.

Наряду с научной трактовкой производительного труда при капитализме Адам Смит дает другое, дополнительное определение производительного труда как труда, овеществляющегося в товаре. Здесь речь идет уже не о производстве прибавочной стоимости: для того чтобы труд был производительным, с точки зрения этого определения достаточно, чтобы он воспроизвел эквивалент потребленной рабочим стоимости. Этим определением уничтожается всякая специфика производственных отношений капитализма. Производительный или непроизводительный характер труда определяется теперь не отношением работника к капиталистическому производству, а зависит от производимых им потребительных стоимостей.

Это второе смитовское понимание производительного труда является примитивным пониманием, связанным с телесной реальностью вещей. Между тем, существуют такие отрасли материального производства (например, железнодорожный транспорт), которые не оставляют никакого видимого следа на производимом ими продукте.

Классическая и вульгарная политическая экономия. Буржуазной ограниченностью, а также коренными недостатками метода классиков объясняется наличие в их теории вульгарных элементов, послуживших началом различных направлений вульгарной политической экономии.

Так, например, поскольку физиократы рассматривали прибавочную стоимость в форме земельной ренты, а труд в промышленности считали «бесплодным» трудом, не порождающим прибавочной стоимости, то промышленная прибыль выступала у них исключительно в форме дохода, идущего на личное потребление капиталиста, как своего рода «заработ-

ная плата» за «труд по надзору и управлению». Таков первый вульгарный элемент в теории физиократов. Но если промышленная прибыль выступает в качестве дохода капиталистов, то обращение части этой прибыли на расширение производства, на накопление есть результат лишений капиталиста, его бережливости и воздержания (так называемая «теория воздержания»). Таков второй вульгарный элемент физиократической теории, имеющийся также у Смита и последующих экономистов и составляющий одно из основных положений вульгарных экономистов.

Разница между классической и вульгарной политической экономией состоит здесь в том, что если у классиков есть две теории прибыли (научная и ненаучная), то у вульгарных экономистов все сводится к ненаучной трактовке прибыли как платы за надзор, как результата «интереса» капиталиста.

Смитовская характеристика производительного труда как труда, производящего товары, в значительной мере способствовала развитию вульгарных теорий производительного и непроизводительного труда при капитализме. Согласно этим теориям, производительным трудом при капитализме объявляется всякий оплачиваемый труд. Это есть не что иное, как логическое развитие смитовского второго понимания производительного труда как труда полезного. В самом деле, если бы труд не был полезным, разве он оплачивался бы? При таком понимании в категорию производительных работников попадают такие группы населения, труд которых сам Смит никогда не считал производительным (домашние слуги, чиновники и т. д.).

Классики буржуазной политической экономии рассматривали капиталистический способ производства как вечную, «естественную» форму производства. Поэтому апологетика капитализма является необходимой принадлежностью их теории, она вытекает из того, что капитализм для них был формой, лишенной антагонистических противоречий. Так, в теории кризисов они подчеркивали единство таких противоположностей, как производство и потребление, покупка и продажа и т. п., забывая о том, что это единство только и может проявиться в насильственной форме, в форме кризиса. Эти апологетические представления были целиком взяты на вооружение такими экономистами, как Джемс Милль и Сэй, вообще отрицавшими возможность кризисов при капитализме.

Наличие вульгарных элементов у представителей классической школы отнюдь не означает, что между классической и вульгарной политической экономией нет резких различий.

Классики (Маркс называет их «экономистами-исследователями») пытались понять внутреннюю связь экономических явлений, проникнуть от внешних форм, от форм проявления в глубь капиталистического способа производства. В противо-

положность этому вульгарная политическая экономия воспроизводит поверхностные явления капиталистической действительности. Вульгарная политическая экономия, подчеркивает Маркс, ничего не производит сама, она получает пищу от классиков и развивается вместе с развитием классической политической экономии, становясь, по мере обострения классово-борьбы, все более и более апологетической. Маркс говорит, что Сэя можно считать критиком капитализма по сравнению с проповедником гармонии классовых интересов Бастиа. Наконец, взгляды таких вульгарных экономистов, как Рошер, являются могилой буржуазной политической экономии как науки.

РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В «ТЕОРИЯХ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ»

Ленинская характеристика «Капитала» как «величайшего политико-экономического произведения» относится и к IV тому «Капитала».

«Теории прибавочной стоимости» принадлежат к тем важнейшим работам Маркса, в которых заложен фундамент марксистской политической экономии. Маркс развивает здесь свою теорию стоимости и прибавочной стоимости, основы которой были даны в экономических рукописях 1857—1858 годов¹ и в работе «К критике политической экономии» (1859 г.).

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс впервые объяснил на основе закона стоимости процесс образования средней прибыли и цены производства, разрешив тем самым одну из кардинальных проблем политической экономии капитализма, одну из тех проблем, на которых, по выражению Энгельса, «потерпела крушение» классическая школа буржуазной политической экономии.

Наряду с III томом «Капитала» вторая часть «Теорий прибавочной стоимости» представляет основной труд Маркса по теории капиталистической земельной ренты. Она была широко использована В. И. Лениным в его критике ревизионизма по аграрному вопросу и при разработке им аграрной программы РСДРП.

В «Теориях прибавочной стоимости» уже имеются основные элементы теории капиталистического воспроизводства, развитой Марксом впоследствии во II томе «Капитала».

«Теории» представляют единственную работу Маркса, где дается систематическое изложение теории экономических кризисов.

¹ Эти рукописи были опубликованы Институтом марксизма-ленинизма на языке оригинала в 1939 году под названием «Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie (Rohentwurf)» — «Основные черты критики политической экономии (черновой набросок)».

В этой работе Маркс обосновал и развил также научную теорию производительного и непроизводительного труда в капиталистическом обществе.

Ряд перечисленных вопросов экономической теории Маркса был рассмотрен выше, при характеристике содержания и структуры «Теорий». В настоящем разделе следует особо остановиться на марксистской теории производительного труда, теории капиталистического воспроизводства и экономических кризисов и на некоторых вопросах теории земельной ренты Маркса.

Научное определение производительного труда исходит не из вещественной характеристики труда как конкретного труда, производящего те или иные потребительные стоимости, а из тех производственных отношений, в которых этот труд осуществляется. Поэтому в условиях капитализма производительным может быть и тот труд, который не создает реальных потребительных стоимостей, например труд актера, работающего по найму у антрепренера, который является по отношению к актеру капиталистом-эксплуататором; с другой стороны, труд портного, который шьет капиталисту костюм на заказ и создает для него реальную потребительную стоимость, не является производительным в условиях капитализма, так как здесь имеет место обмен труда непосредственно на доход, стало быть, отсутствует производство прибавочной стоимости.

В определении производительного труда при капитализме отражается противоречивый характер капиталистических производственных отношений, когда весь труд рабочих для самих себя выступает как непроизводительный труд, который может быть осуществлен только в том случае, если рабочий предварительно создал прибавочную стоимость для капиталиста.

Маркс сделал очень интересное замечание, которое может послужить основой для решения вопроса о характере производительного труда в социалистическом обществе. Маркс говорил: «Но предположим, что никакого капитала не существует и что рабочий сам присваивает себе свой прибавочный труд, избыток созданных им стоимостей над стоимостями, потребленными им. Лишь при этом положении вещей можно было бы сказать, что труд такого рабочего действительно производителен, т. е. создает новые стоимости» (часть I, стр. 122). Отсюда следует, что и в условиях социализма необходимым признаком производительного труда является производство прибавочного продукта, но с той коренной разницей, что этот прибавочный продукт не становится прибавочной стоимостью, а является социалистической собственностью.

Теория капиталистического воспроизводства была развита Марксом на основе критики «догмы Смита».

Маркс показал, что корень догмы Смита заключается в непонимании двойственного характера труда, создающего то-

вар, и в вытекающем отсюда смешении стоимости продукта со вновь созданной стоимостью.

Рассмотрев процесс воспроизводства общественного продукта, Маркс показал, что определенная часть стоимости общественного продукта, которая относится к производству средств производства, может быть возмещена только внутри своего собственного подразделения. (Это та часть общественного продукта, которую впоследствии, во II томе «Капитала», Маркс назвал «средствами производства средств производства», т. е. средствами производства, предназначенными для I подразделения общественного производства.) Но тем самым совершенно опровергается догма Смита: «...значительная часть постоянного капитала... возмещает самое себя и не входит в обращение, а значит не возмещается ни одной из форм дохода» (часть I, стр. 97).

Опровергая догму Смита, Маркс (часть I, стр. 109—110) создает свою знаменитую формулу простого воспроизводства (во II томе «Капитала» она получила вид $Iv + m = IIc$), которая лежит в основе его теории воспроизводства. Тогда же Маркс сформулировал закон капиталистического накопления¹, являющийся полной противоположностью выводам рикардовской теории накопления. Маркс показал, что вместе с накоплением капитала происходит рост его органического строения, в результате чего доля переменного капитала в совокупном капитале падает. Доход общества возрастает как по стоимости, так и по количеству вследствие роста производительности труда на основе технического прогресса, но плоды этого возрастания достаются отнюдь не рабочему классу. Увеличиваются доходы капиталистов и других непродизводительных групп. Доля же рабочего класса в национальном доходе понижается. Увековечение наемного рабства — таков результат капиталистического применения машин.

В связи с этим Маркс формулирует важную тенденцию капиталистического способа производства: возрастание удельного веса различных групп непродизводительного населения, «постоянное увеличение средних классов, стоящих посередине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и землевладельцами, с другой, — средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увеличивают социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч» (часть II, стр. 577—578).

С особой силой тенденция к росту паразитической про-

¹ Впоследствии в I томе «Капитала» (см. главу 23) Маркс назвал этот закон «всеобщим законом капиталистического накопления» и дал ему уточненную и расширенную формулировку.

слойки проявляется в эпоху империализма, что является одним из показателей паразитизма и загнивания капитализма.

Теорию экономических кризисов Маркс развивает в связи с критикой рикардовской теории накопления.

Пресловутая «догма Смита», непонимание роли постоянного капитала в процессе капиталистического воспроизводства привели Рикардо к апологетическому отрицанию возможности всеобщих кризисов перепроизводства. Не понимая специфических особенностей капиталистического способа производства, Рикардо рассматривал его как такой способ производства, в котором не существует товарного производства, а имеет место непосредственная меновая торговля, распределение же производительных сил между различными сферами производства происходит как бы по плану, в соответствии с потребностями общества.

Исходя из ложной предпосылки о «метафизическом равновесии покупок и продаж» в капиталистическом обществе, Рикардо делал вывод о якобы имеющем место тождестве спроса и предложения, производства и потребления. Отсюда логически вытекала невозможность всеобщего перепроизводства товаров при капитализме. Уже в своей работе «К критике политической экономии» Маркс показал, что корни этих взглядов Рикардо лежат в непонимании им специфически общественного характера абстрактного труда, в непонимании того, что индивидуальный труд лишь в результате своего отчуждения выражает себя как абстрактно всеобщий общественный труд. Поэтому деньги в капиталистическом обществе вовсе не простой посредник обмена товаров. Обмен продуктов в условиях товарного производства необходимо распадается на два не зависящие друг от друга и разделенные во времени и пространстве акта — покупку и продажу. Именно здесь — в разделении этих двух актов — и заключена абстрактная возможность кризиса. Маркс указал в названной работе и на другую абстрактную возможность кризиса, вытекающую из функции денег как средства платежа.

Однако теория экономических кризисов, доказывающая неизбежность циклического развития капитализма, может быть выведена «лишь из реального движения капиталистического производства, конкуренции и кредита» (часть II, стр. 518), требует рассмотрения «тех реальных отношений, в рамках которых происходит действительный процесс производства» (часть II, стр. 498). Здесь нельзя уже исходить, например, из того предположения, что товары продаются по их стоимостям (или ценам производства), что капиталистическое общество состоит из двух классов и т. д. Здесь требуется конкретный анализ капиталистической экономики.

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс не ограничивается рассмотрением абстрактной возможности кризиса: он

рассматривает переход от возможности кризиса к его «действительности», к реальному кризису, который имеет место в реальном процессе капиталистического воспроизводства.

Возможность кризисов, вытекающая из товарной формы обмена продуктов и из функции денег как средства платежа, представляет лишь абстрактную возможность кризиса, так как здесь нет еще «побудительной причины кризиса». Весь вопрос, подчеркивает Маркс, состоит в том, чтобы показать, почему в условиях капитализма фазы процесса воспроизводства (покупка и продажа, спрос и предложение, производство и потребление) необходимо вступают между собой в такой конфликт, что единство этих фаз может проявиться только путем кризиса.

Так как развитое товарное производство имеет место только в условиях капитализма, то возможность кризиса получает здесь дальнейшее развитие. Капитализм приносит с собой такие новые противоречия, которые неизбежно превращают эту возможность в действительность. «Кризисы мирового рынка должны рассматриваться как реальное сведение воедино и насильственное выравнивание всех противоречий буржуазной экономики» (часть II, стр. 515).

Переход от абстрактной возможности кризиса к его действительности связан прежде всего с основным противоречием капитализма — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Целью капиталистического производства является безмерное стремление капиталистов к обогащению, стремление захватить возможно больше прибавочного труда, а отнюдь не потребление, как утверждал Рикардо. Поэтому капиталистическое производство по самой своей сути есть производство без учета границ рынка: пределом для него служит прибыль капиталистов. В то же время развитие капиталистического производства происходит в условиях ограниченного потребления массы трудящихся. Это и составляет основу всеобщего перепроизводства товаров при капитализме; перепроизводство же представляет главное явление экономического кризиса.

Отрицая неизбежность экономических кризисов, буржуазная политическая экономия подчеркивает единство различных сторон воспроизводства, закрывая глаза на присущие им противоположность и противоречие.

Буржуазная политическая экономия, рассматривая капитализм как вечный, абсолютный способ производства, всегда говорит о производстве вообще, о потребностях вообще и т. д. Одним из аргументов Рикардо в пользу невозможности всеобщего перепроизводства было утверждение о безграничном характере человеческих потребностей. Между тем при капитализме речь может идти только о *платежеспособных* потребностях, которые всегда находятся на искусственно по-

иженном уровне. Маркс указывает, что в момент кризиса, т. е. перепроизводства товаров, положение трудящихся хуже, чем в какой-либо другой момент капиталистического цикла. В капиталистическом обществе речь идет поэтому не об абсолютном перепроизводстве, т. е. не о перепроизводстве, рассматриваемом в отношении к абсолютным потребностям, а об относительном перепроизводстве, сравнительно с платежеспособным спросом. Если говорить о степени удовлетворения насущных потребностей трудящихся, то при капитализме «постоянно имеется *недопроизводство*» (часть II, стр. 532).

* *
*

Теория земельной ренты во второй части «Теорий прибавочной стоимости» излагается Марксом, как уже отмечалось выше, в существенно ином аспекте, нежели в III томе «Капитала». Вследствие этого ряд кардинальных вопросов теории ренты, нашедших подробное освещение во второй части «Теорий», является ценным дополнением к разделу о ренте в III томе «Капитала». Рассмотрим некоторые из этих вопросов.

Земельная рента и два вида монополии в сельском хозяйстве. Вопрос о двух видах монополии в сельском хозяйстве впервые освещен в работе В. И. Ленина «Аграрный вопрос и критики Маркса», опубликованной в 1901 году. Ленину принадлежит и термин «монополия капиталистического хозяйства на земле». В тот период «Теории прибавочной стоимости» еще не были опубликованы и, следовательно, не могли быть известны В. И. Ленину. В своем примечании к новому изданию той же работы, вышедшему в 1908 году, В. И. Ленин ссылается на вторую часть «Теорий прибавочной стоимости» и указывает, что «разъяснения Маркса по вопросу об абсолютной ренте» подтверждают правильность его толкования «особенно относительно двух видов монополии».

Различение двух видов монополии в сельском хозяйстве — монополии частной собственности на землю и монополии капиталистического хозяйства на земле — имеет огромное теоретическое и практическое значение: оно позволяет четко разграничить абсолютную и дифференциальную ренту и характер производственных отношений, связанных с той и с другой, — специфически капиталистический характер дифференциальной ренты и феодальный характер абсолютной ренты. Это различие послужило теоретической основой для разработки В. И. Лениным программы национализации земли.

Во второй части «Теорий» даны важные разъяснения относительно национализации земли. Маркс показал, что национализация земли, являясь буржуазно-демократической мерой, осуществляемой в рамках капиталистического способа

производства, тем не менее имеет большое прогрессивное значение, так как уничтожение монополии частной собственности на землю и абсолютной ренты ликвидирует паразитический (даже с точки зрения капитализма) класс земельных собственников, понижает цену сельскохозяйственных продуктов на величину абсолютной ренты, ликвидирует препятствия к вложению капитала в землю.

Вместе с тем Маркс подчеркивает коренную разницу между буржуазной национализацией земли и обращением земли во всенародную собственность. Для капиталистического способа производства необходимо, чтобы земля, как важнейшее условие производства, «составляла чью-либо собственность — но только не рабочего; стало быть, например, собственность государства» (часть II, стр. 146); в противном случае капиталистическое производство было бы вообще невозможно: «Если бы собственность на землю превратилась в *народную собственность*, то перестал бы существовать вообще базис капиталистического производства, та основа, на которой покоится превращение условий труда в обособленную от рабочего и противостоящую ему силу» (часть II, стр. 97).

Маркс, таким образом, ясно показал, что буржуазная национализация средств производства (в данном случае земли) отнюдь не означает ликвидации частной собственности на землю. Передача средств производства в руки капиталистического государства означает лишь замену одной формы частной собственности другой ее формой (национализация некоторых средств производства, осуществленная лейбористами в Англии после второй мировой войны, наглядный тому пример).

Однако с развитием капиталистического способа производства, как это показывает Маркс, растет сопротивление класса капиталистов даже осуществлению буржуазной национализации земли. Боясь, что «нападение на одну форму собственности... было бы очень опасно и для другой формы», буржуа предпочитает мириться с существованием земельного собственника, «кроме того, буржуа сам себя территориализировал» (обзавелся землей) (часть II, стр. 34).

Таким образом, уничтожение частной собственности на средства производства возможно только с уничтожением капиталистического строя.

Монопольный характер цены сельскохозяйственных продуктов. Постановка вопроса о монополии (в двух ее видах) как причине капиталистической земельной ренты позволяет ясно видеть монопольный характер земельной ренты. Цена сельскохозяйственных продуктов, коль скоро она содержит ренту (абсолютную или дифференциальную), является монопольной ценой.

Цена сельскохозяйственных продуктов является монопольной прежде всего как результат монополии частной собственности на землю. «Это, действительно, такая цена, уплачивать которую вынуждает только монополия собственности на землю и которая, являясь в этом отношении монопольной ценой, отличается от цены промышленных продуктов»,— писал Маркс (часть II, стр. 342). В. И. Ленин также подчеркивал этот момент: «Абсолютная рента происходит из частной собственности на землю. В этой ренте есть элемент монополии, элемент монопольной цены»¹.

В отличие от рыночных монопольных цен, как угодно далеко отклоняющихся от стоимости², монопольная цена сельскохозяйственных продуктов равна их стоимости и превышает лишь их цену производства.

Почему монопольная цена сельскохозяйственных продуктов, как правило, не может подняться выше их стоимости? Потому, что стоимость является непосредственной основой этой цены. Как известно, в докапиталистическую эпоху (вплоть до XV века) имел место обмен товаров по стоимости. В тот период существовала также частная собственность на землю. С развитием промышленного капитализма произошел переворот в ценообразовании: центром колебаний рыночных цен стала не стоимость, а цена производства. В сельском же хозяйстве существование частной собственности на землю воспрепятствовало этому сдвигу цен: непосредственной основой цены сельскохозяйственных продуктов по-прежнему осталась стоимость. Колебания рыночных цен сельскохозяйственных продуктов по-прежнему происходят вокруг стоимости.

Препятствуя превращению стоимостей сельскохозяйственных продуктов в их цены производства, монополия частной собственности на землю искусственно поддерживает цены на продукты сельского хозяйства на монопольно высоком уровне, ибо стоимость сельскохозяйственных продуктов (в силу того, что органическое строение капитала в сельском хозяйстве ниже, чем среднее строение всего общественного капитала) превышает их цену производства. Поэтому уничтожение монополии частной собственности на землю и абсолютной ренты в результате, например, национализации земли понизило бы цену сельскохозяйственных продуктов; цена производства промышленных продуктов при этом возросла бы вследствие роста средней нормы прибыли. (Средняя норма прибыли возросла бы потому, что прибыль, получаемая сельскохозяйственными капиталистами, посту-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 270.

² Рыночную монопольную цену Маркс характеризует как такую цену, «которая ограничена лишь состоянием... платежеспособного спроса» (часть II, стр. 331).

пила бы после уничтожения монополии частной собственности на землю в «общий котел» класса капиталистов. А так как норма прибыли в сельском хозяйстве выше, чем средняя норма прибыли, то ее участие в выравнивании прибылей повысило бы среднюю норму прибыли.)

Однако уничтожение монополии частной собственности на землю, ликвидация абсолютной ренты и понижение вследствие этого цены сельскохозяйственных продуктов до уровня их цены производства еще не означает ликвидации монопольного характера цены сельскохозяйственных продуктов. Ведь остается еще монополия капиталистического хозяйства на земле и дифференциальная земельная рента как следствие этой монополии. «Также и здесь цена продуктов, приносящих ренту, есть *монопольная цена*, но это та же монополия, которая встречается во всех сферах производства и лишь в данной сфере фиксируется и поэтому принимает отличную от сверхприбыли форму ренты» (часть II, стр. 156—157).

Дифференциальная земельная рента внутренне присуща капиталистическому способу производства; она есть результат монополии капиталистического хозяйства на земле и имеющей место вследствие этого конкуренции сельскохозяйственных капиталистов. Выражением этой конкуренции является образование единой рыночной стоимости, а следовательно, единой рыночной цены. А так как капиталистическая конкуренция в сельском хозяйстве происходит в условиях, когда лучшие участки земли заняты, то она приводит к тому, что регулирующей ценой производства является цена производства худших земель.

Это порождает то, что Маркс в III томе «Капитала» называет «ложной социальной стоимостью», — искусственно вздутую вследствие монополии капиталистического хозяйства на земле рыночную стоимость, в результате чего «общество, рассматриваемое как потребитель, переплачивает за продукты земли»¹.

«Ложная социальная стоимость» и является монопольной ценой, реализацией монополии капиталистического хозяйства на земле. Она обусловлена не природным фактором (например, различием в продуктивности участков земли), а самим капиталистическим производством. «Отнюдь не почва, а конкуренция, капиталистическое производство является причиной того, что средние условия производства определяют *рыночную цену* и таким образом поднимают ту цену продукта, которая стоит ниже этого среднего уровня, выше *цены* данного продукта и даже выше его *стоимости*; это, стало быть, не закон природы, а общественный закон»

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 674—675. Госполитиздат. 1955.

(часть II, стр. 88). Маркс говорит здесь о средних, а не худших условиях производства, регулирующих рыночную стоимость продуктов сельского хозяйства, по аналогии с той или иной отраслью промышленности, где, как правило, рыночная стоимость определяется именно средними условиями производства данной отрасли.

В коммунистическом обществе, где отсутствует категория цены, не будет и дифференциальной ренты. Общественный труд в сельском хозяйстве по-прежнему будет затрачиваться на землях различного плодородия, но затраты труда, сбереженные на землях лучшего качества, будут использованы для улучшения худших почв, в результате чего общее количество труда, затрачиваемое в земледелии, уменьшится.

Напротив, в рамках капиталистического способа производства уничтожение монопольного характера цены сельскохозяйственного продукта, коль скоро эта цена есть следствие монополии капиталистического хозяйства на земле, невозможно. Буржуазная национализация земли способна лишь передать дифференциальную ренту из рук землевладельцев в руки капиталистических фермеров, но цена сельскохозяйственных продуктов при этом не изменится.

Конкуренция в сельском хозяйстве. Много внимания во второй части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс уделяет рассмотрению межотраслевой (с другими отраслями производства) и внутриотраслевой конкуренции в сельском хозяйстве.

Монополия частной собственности на землю является тем барьером, который служит препятствием для проникновения капиталов в сельское хозяйство. Но никакая монополия не является абсолютной. Примером прорыва монополии частной собственности на землю является «территориализация» капиталистов, совпадение в одном лице земельного собственника и фермера-капиталиста. Маркс указывает, что «такому фермеру, как капиталисту, земельная собственность не ставила бы препятствий... так как он распоряжается ею не как капиталист, а как земельный собственник»; в этом случае «земельная собственность *исчезает* по отношению к капиталу» (часть II, стр. 299—301). Такого рода капиталист может довольствоваться средней прибылью, так как он никому не должен платить земельную ренту. Здесь имеется возможность понизить цену сельскохозяйственных продуктов до уровня цены производства. Вообще от исхода конкурентной борьбы между земельными собственниками и капиталистами зависит, насколько земельный собственник может реализовать свое экономическое положение, может ли он потребовать от капиталиста-фермера абсолютную ренту полностью или должен будет удовлетвориться частью.

Конкурентная борьба внутри класса сельскохозяйственных

капиталистов может привести к прорыву монополии капиталистического хозяйства на земле. Когда мы говорим, что регулирующей ценой производства в сельском хозяйстве является цена производства на худших участках земли, то мы предполагаем при этом стопроцентное действие монополии капиталистического хозяйства на земле, иными словами, предполагаем, что продукция всех участков земли необходима для покрытия спроса. Для теоретического определения дифференциальной ренты это отвлечение от условий рынка является совершенно правильным и необходимым, так как только при таком предположении дифференциальная рента реализуется полностью.

Во второй части «Теорий» Маркс формулирует закон движения рыночной стоимости сельскохозяйственных продуктов в более общей форме, учитывающей возможные колебания рыночной конъюнктуры: «Конкуренция устанавливает *единую рыночную стоимость* для... продуктов, имеющих различную *индивидуальную стоимость*. Сама эта рыночная стоимость *никогда* не может быть *больше* индивидуальной стоимости продукта *наименее продуктивного* разряда» (часть II, стр. 261).

Таким образом, рыночная стоимость сельскохозяйственных продуктов изменяется в широких пределах — от индивидуальной стоимости продукта худших участков (высшая граница) до индивидуальной стоимости продукта лучших участков (низшая граница). Рыночная цена может, разумеется, выходить за эти пределы, но это будет лишь означать, что имеет место отклонение рыночной цены от рыночной стоимости. Сама же рыночная стоимость «должна выражать действительную *стоимость*», подчеркивает Маркс. Базой для определения рыночной стоимости является индивидуальная стоимость продукта тех участков земли, которые дают преобладающее количество продукции данного вида.

Маркс критикует ошибочное положение Рикардо, который исходил из того, что рыночная стоимость не может упасть ниже индивидуальной стоимости продукта наихудшей почвы. Тем самым Рикардо фактически отрицал внутриотраслевую конкуренцию в сельском хозяйстве. А между тем существование внутриотраслевой конкуренции подтверждается таким наглядным фактом, как непрерывно происходящее разорение сельскохозяйственных капиталистов.

Сельское хозяйство как отрасль капиталистического производства обладает привилегией продавать свой продукт по стоимости, а не по цене производства. Но «эта привилегия отнюдь не распространяется... на различные по стоимости продукты, произведенные внутри *одной и той же* сферы производства» (часть II, стр. 94). Внутри самого сельского хозяйства уровень цены определяется тем, какую долю всей

продукции дают на рынок более плодородные участки земли. От плодородия лучших участков земли зависит, смогут ли худшие участки реализовать какую-то часть разности между стоимостью и ценой производства сельскохозяйственного продукта, или же конкуренция лучших земель будет настолько сильной, что худшие участки не смогут реализовать даже среднюю прибыль.

Таким образом, определяющую роль на рынке играют лучшие участки земли, если, конечно, количество их продукта достаточно для создания избыточного предложения и насильственного снижения цены. Вследствие внутриотраслевой конкуренции земельная рента может быть просто вычтеном из прибыли капиталиста-фермера, который в свою очередь стремится выжить в конкурентной борьбе за счет сокращения заработной платы сельскохозяйственного рабочего.

Земельная рента и производительность труда в сельском хозяйстве. В противоположность Родбертусу и Рикардо, которые рассматривали земельную ренту как категорию вечную, раз навсегда данную, Маркс подчеркивал специфически исторический характер земельной ренты, ее обусловленность господствующими производственными отношениями. «В нашем понимании,— говорил Маркс об абсолютной ренте,— земельная рента является следствием *исторического различия* в соотношении между органическими составными частями капитала,— различия, которое может быть отчасти сглажено и может даже совсем исчезнуть с развитием земледелия» (часть II, стр. 99).

Более быстрое развитие промышленности по сравнению с сельским хозяйством есть «историческое явление», доказывающее «в высшей степени причудливое развитие буржуазного производства и присущие ему противоречия» (часть II, стр. 6—7). Маркс указывал, что первоначально (в древности и в средние века) сельское хозяйство было более производительнее, чем промышленность, «так как здесь в производстве участвует созданная самой природой машина», т. е. земля, тогда как в промышленности машинное производство отсутствовало.

В период развития крупной машинной индустрии промышленное производство растет быстрее, чем сельскохозяйственное, хотя само развитие капиталистической промышленности обусловлено экспроприацией сельского населения, свидетельствующей о значительном повышении органического строения капитала в сельском хозяйстве.

В дальнейшем, с ростом концентрации капитала в земледелии, с развитием химии, геологии и физиологии — наук, являющихся «для земледелия специфическими основами в большей степени, чем для промышленности», «собственно научную основу» которой составляет механика, «произ-

водительность земледелия должна увеличиваться относительно быстрее, чем производительность промышленности» (часть II, стр. 103—104). Если бы производительность земледелия сравнилась с производительностью промышленности, абсолютная рента исчезла бы.

Современные данные о развитии сельского хозяйства и промышленности крупнейших капиталистических стран говорят о резком отставании сельского хозяйства по уровню производительности труда. За 100 лет, с 1850 по 1949 год, промышленное производство в США выросло в 90 раз, тогда как сельскохозяйственное производство за этот же период увеличилось только в 8 раз.

В настоящее время производительность труда в капиталистическом сельском хозяйстве по-прежнему значительно ниже, чем в промышленности. Однако некоторые новейшие тенденции развития капиталистического сельского хозяйства позволяют говорить об оправдании предсказания Маркса насчет возможности относительно более быстрых темпов развития производительности труда в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью. Так, выработка на одного рабочего в промышленности США в 1930 году в 2,7 раза превышала выработку на одного рабочего в сельском хозяйстве; в 1940 году она была выше в 2,4 раза, а в 1950 году — в 1,9 раза. Эти данные говорят о том, что в результате технического прогресса имеет место некоторое уменьшение разрыва в производительности труда в промышленности и в сельском хозяйстве. Разумеется, несмотря на это, еще очень и очень далеко до того, чтобы уровень сельскохозяйственного производства сравнился с уровнем производства в промышленности; далеко, следовательно, и до уничтожения абсолютной земельной ренты.

Напротив, гнет земельной ренты в современном капиталистическом сельском хозяйстве еще возрастает в силу господства монополистического капитала. Поскольку капиталистические монополии представляют фактически собственников земли, земельная рента является одним из источников гигантских сверхприбылей, извлекаемых монополиями. Во всех капиталистических странах имеет место ограбление трудящихся через посредство механизма цен на предметы питания, продолжается пауперизация и экспроприация сотен миллионов крестьян, которые в виде ренты, процентов по ипотечному кредиту и т. д. отдают помещикам, банкирам, финансовой олигархии не только созданный ими прибавочный продукт, но немалую часть необходимого продукта. По мере развития капитализма гнет крупной частной собственности на землю становится все более невыносимым.

В работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» В. И. Ленин приводит сравнительные данные

об увеличении в США количества земледельческого продукта и его цены. С 1900 по 1910 год стоимость всех зерновых хлебов возросла на 79,8%, тогда как производство зерновых возросло за это же время только на 1,7%. Эти цифры наглядно показывают «роль поземельной ренты, дани, которую берут с общества землевладельцы»¹.

Современные данные свидетельствуют о том же самом. С 1940 по 1950 год все сельскохозяйственное производство в США возросло на 23,6%, тогда как цены на реализованную сельскохозяйственную продукцию увеличились за это же время в 3,4 раза.

Монополии присваивают земельную ренту не только в сельском хозяйстве, но и в добывающей промышленности. Абсолютная земельная рента удорожает минеральное сырье и топливо. В США рента за использование нефтяных месторождений составляла в последние годы 16—17% от цены нефти на месте производства.

В условиях монополизации источников сырья в капиталистическом мире дифференциальная рента в добывающей промышленности также является одним из источников монопольной прибыли.

По данным А. А. Санталова², среднесуточный дебит эксплуатируемой скважины на Ближнем и Среднем Востоке был за последние годы примерно в 350 раз выше, чем во всех других вместе взятых капиталистических странах, и в 500 раз выше, чем в США. Кроме того, эксплуатация нефтяных скважин в США связана с дополнительными издержками, так как девять десятых из них не фонтанируют. Следовательно, издержки добычи нефти в странах Ближнего и Среднего Востока намного ниже, чем в других нефтедобывающих районах капиталистического мира. Но цена на нефть образуется на основе индивидуальной цены производства на худших месторождениях, с самым низким дебитом эксплуатируемых скважин (в США, Канаде, Аргентине).

Существование монополии частной собственности на землю и монополии капиталистического хозяйства на земле является непреодолимым тормозом в развитии сельского хозяйства при капитализме.

Только социалистическое сельское хозяйство, свободное от гнета как монополий этого рода, так и монополистического капитала, беспрепятственно применяющее новейшие достижения науки и техники, имеет все возможности для неуклонного и быстрого развития.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 82.

² А. А. Санталов. Империалистическая борьба за источники сырья, стр. 30. Изд-во АН СССР, 1954.

ЗНАЧЕНИЕ «ТЕОРИЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ» ДЛЯ КРИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Если буржуазные экономисты XIX века всячески замалчивали экономическое учение Маркса, игнорировали его, то в XX веке это стало уже невозможным. Наш век характеризуется бесчисленными попытками буржуазных экономистов и ревизионистов всех мастей «опровергнуть» марксизм или же выхолостить его революционное содержание, сделать его безвредным для буржуазии. Этот «крестовый поход» против марксизма резко усилился в настоящее время, что объясняется огромными успехами идей марксизма-ленинизма во всем мире, успехами строительства социализма в СССР, народном Китае и странах народной демократии.

В эпоху империализма, когда противоречия капиталистического строя, а вследствие этого и классовая борьба, обостряются до невиданной степени, происходит дальнейшее разложение вульгарной политической экономии. При этом новейшие апологеты капитализма используют наиболее реакционные из тех вульгарных концепций, которые выдвигались их предшественниками и были подвергнуты уничтожающей критике в «Теориях прибавочной стоимости».

Пытаясь выработать рецепты бескризисного развития капитализма, Кейнс и его последователи опираются на идею Мальтуса о роли непроизводительного потребления как средства против перепроизводства. Мальтузианство в современных условиях служит обоснованием милитаризации экономики, безудержной гонки вооружений с целью предупредить кризисы.

Для оправдания массового уничтожения людей посредством водородного, бактериологического оружия и т. п. широко используется и теория народонаселения Мальтуса, его утверждения относительно перенаселенности земли, угрозы продовольственного кризиса и т. д.

Марксова критика в «Теориях прибавочной стоимости» глубоко реакционной мальтусовской защиты расточительности непроизводительных слоев как средства против перепроизводства, а также пресловутой «теории народонаселения» полностью разоблачает современных мальтузианцев, стремящихся в теориях Мальтуса найти оправдание безумной политике втягивания человечества в новую мировую войну.

Современные буржуазные экономисты, опираясь на вульгарные концепции своих предшественников, отвергают также трудовую теорию стоимости, выдвигая вместо нее теории полезности, спроса и предложения, издержек производства и т. п.

То обоснование трудовой теории стоимости, которое дано

в IV томе «Капитала», и по сей день служит непревзойденным образцом защиты науки от покушений вульгарных экономистов. Маркс неоднократно подчеркивал в «Теориях» антинаучность утверждений вульгарных экономистов, будто повышение заработной платы неизбежно приводит к росту цен. Современные апологеты капитализма, пытаясь оправдать наступление монополий на жизненный уровень трудящихся, вновь вытаскивают это избитое положение.

Одной из многочисленных попыток отказа от трудовой теории стоимости является в современных условиях так называемая «менная концепция», широко проповедовавшаяся еще меркантилистами. Пресловутая теория «воздержания», выдвинутая в свое время физиократами, и по сей день не снята с вооружения буржуазной политической экономии. Смитовское определение производительного труда как труда, производящего товары, превратилось у вульгарных экономистов и их современных последователей в средство теоретического оправдания нетрудовых доходов эксплуататорских классов и паразитических элементов капиталистического общества.

Так, имеющая, казалось бы, исключительно исторический интерес критика концепций меркантилистов, физиократов, Адама Смита, данная в «Теориях прибавочной стоимости», неожиданно приобретает в свете борьбы с современными последователями этих давно отошедших в прошлое экономических школ самое актуальное значение.

Марксов метод критики буржуазной политической экономии, примененный в «Теориях прибавочной стоимости», имеет, таким образом, огромное значение для борьбы против современных буржуазных экономистов, пытающихся своими теоретическими построениями оправдать империализм, последнюю стадию отживающего свой век капиталистического строя.

Учитывая громадную притягательную силу идей марксизма-ленинизма, многие скрытые апологеты капитализма объявляют себя марксистами, стремясь подорвать марксизм изнутри. С этой целью они объявляют необходимость ревизии основных положений марксизма, стремятся под видом «изменений» и «дополнений» загубить его живую душу.

«Критика» марксизма со стороны современного ревизионизма совершается по следующим основным направлениям.

1. Современные ревизионисты пытаются отрицать буржуазный характер национализации средств производства в условиях капитализма. Они говорят об «исчезновении капитализма» в связи с усилением роли государства в капиталистической экономике.

Марксовы разъяснения в «Теориях прибавочной стоимости» по поводу национализации земель как одного из важнейших условий производства имеют важное значение в

борьбе с попытками ревизионистов объявить национализацию отдельных отраслей промышленности, осуществляемую в условиях монополистического капитализма, социалистическим мероприятием.

2. Современные ревизионисты пытаются опровергнуть марксову теорию экономических кризисов, на все лады они твердят о том, что современный капитализм вообще способен избежать кризисов, что он стал устойчивым. Ревизионисты утверждают, что якобы согласно марксистской теории кризисов капиталистическому способу производства свойственно явление стагнации, что возможности капиталистического развития постепенно исчерпываются, в результате чего становится неизбежным автоматический крах капитализма.

На самом деле теория стагнации капитализма решительно отвергается марксизмом. Экономические кризисы отнюдь не исключают развития. «Перманентных кризисов не бывает», — замечает Маркс (часть II, стр. 502). В то же время марксизм учит, что развитие при капитализме невозможно иначе, как через экономические кризисы, что это развитие есть вместе с тем развитие всех противоречий капитализма и прежде всего противоречий между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

До того как Маркс написал «Теории прибавочной стоимости», имел место только один мировой экономический кризис (в 1857 г.), хотя, например, в Англии к этому времени было уже три экономических кризиса. Примерно в течение 100 лет после этого произошло еще восемь мировых экономических кризисов и ряд кризисов в США, что является блестящим подтверждением марксовской теории кризисов, развитой в «Теориях прибавочной стоимости».

3. Одним из самых распространенных утверждений ревизионистов является тезис об исчезновении классов в современном обществе. При этом утверждается, что марксово учение об основных классах капиталистического общества будто бы потеряло силу, что в современных условиях происходит обуржуазивание пролетариата и слияние его с буржуазией в один «средний класс».

Ревизионисты приписывают Марксу крайне упрощенное понимание классовой структуры капиталистического общества. Между тем Маркс неоднократно подчеркивал в «Теориях прибавочной стоимости» факт роста «средних классов» (различных непродуцирующих слоев) при капитализме, указывая при этом, что этот рост не только не ликвидирует полярной противоположности двух основных классов — буржуазии и пролетариата, но, напротив, усиливает эту противоположность, увеличивает то бремя, которое несут на своих плечах трудящиеся в капиталистических странах.

4. Ревизионисты коренным образом искажают марксову

теорию обнищания рабочего класса в капиталистическом обществе, из которой якобы следует необходимость автоматического непрерывного процесса абсолютного обнищания.

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс показывает, что положение рабочего класса определяется совокупностью различных факторов (таких, как заработная плата, степень эксплуатации, безработица, налоги и т. д.), требующих конкретного изучения. Следует учитывать при этом неравномерность развития капиталистических стран и в связи с этим — неодинаковое действие закона обнищания в разных странах. Замечания Маркса в «Теориях прибавочной стоимости» служат методологической основой для изучения положения рабочего класса в капиталистических странах.

5. Марксовы положения относительно результатов вытеснения рабочих машинами, развитые им в «Теориях прибавочной стоимости», становятся особенно актуальными в настоящее время, когда в ряде капиталистических стран происходит широкая автоматизация производства. Автоматизация выдается ревизионистами за величайшее благо, сулящее трудящимся значительное повышение их жизненного уровня. На самом же деле автоматизация, как и всякий технический прогресс в капиталистическом обществе, обращается против рабочего класса, ведет к росту интенсификации труда, деградации рабочего, понижению заработной платы, росту безработицы и т. п.

Таким образом, «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала») служат грозным оружием в руках коммунистических и рабочих партий в их борьбе за чистоту марксистско-ленинской идеологии.

* *
*

«Теории прибавочной стоимости» являются, как мы видим, не только классическим трудом по истории буржуазной политической экономии, но и важнейшим орудием борьбы против современных представителей буржуазной реакции в области политической экономии.

Хотя «Теории прибавочной стоимости» являются историко-критическим трудом, содержащиеся в них теоретические экскурсы существенно дополняют соответствующие разделы томов «Капитала». Изучение проблем производительного и непроизводительного труда, земельной ренты, средней прибыли и цены производства, воспроизводства и кризисов немислимо без привлечения «Теорий прибавочной стоимости». Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала») занимают выдающееся место в экономическом наследии классиков марксизма-ленинизма, полностью сохраняя все свое значение и в наши дни.

60 коп.